

двигов.

Сэр же Тристрам, выехав на опушку леса, спешился, отстегнул доспехи и промыл рану. А сэр Динадан, думая, что он умирает, горько заплакал.

– Полно, не плачьте, сэр Динадан, – сказал ему сэр Тристрам. – Не бойтесь, жизнь моя в безопасности, и от этой раны я, с помощью Божией, скоро оправлюсь.

Вдруг заметил сэр Динадан, что прямо туда скачет сэр Паломид. И сэр Тристрам тоже его увидел и понял, что сэр Паломид едет затем, чтобы его, сэра Тристрама, убить. Но сэр Динадан поспешил предупредить его и сказал:

– Сэр Тристрам, господин мой, вы столь жестоко поранены, что не можете вступать с ним в поединок. И потому давайте я поеду на него и сделаю что смогу, а если он меня убьет, вы помолитесь о моей душе. Вы же тем временем успеете уйти и укрыться в замке или в лесу, чтобы он не смог до вас добраться.

Сэр Тристрам улыбнулся в ответ и сказал:

– Я благодарю вас, сэр Динадан, на доброй заботе, но знайте, что я сам в силах с ним посчитаться.

И он с поспешностью облачился в доспехи, сел на коня, взял в руку тяжелое копье и, сказав сэру Динадану «прощайте», небыстрым шагом двинулся навстречу сэру Паломиду.

Увидев его, сэр Паломид поспешил спешиться и сделал вид, будто поправляет сбрую, но причина у него была на деле та, что он поджидал сэра Гахериса, который ехал за ним следом. Вот появился сэр Гахерис, и тогда сэр Паломид направил коня на сэра Тристрама. А сэр Тристрам послал ему вызов на поединок и предложил условие, что если он повергнет наземь сэра Паломида, то на том и конец бою, если же сэр Паломид сокрушит сэра Тристрама, то пусть, если желает, бьется насмерть. На том и согласились и поскакали навстречу друг другу.

И вышиб сэр Тристрам сэра Паломида из седла, так что тот рухнул наземь и остался лежать неподвижно, точно мертвый. А сэр Тристрам тогда обратился против сэра Гахериса. Сэр Гахерис хотел было избегнуть поединка, но, хотя он того или нет, сэр Тристрам с ним сшибся и перекинул его через круп его коня, так что он так и остался лежать неподвижно. А сэр Тристрам поскакал прочь, оставив сэра Персида и своего оруженосца у шатров. В эту ночь сэр Тристрам и сэр Динадан завернули ночевать к одному старому рыцарю, у которого пятеро сыновей уехали на турнир и он от души молил Бога об их благополучном возвращении. И вскоре, как повествуется во Французской Книге, они все пятеро и возвратились домой, но жестоко покалеченные. А сэр Ланселот, после того как сэр Тристрам скрылся в лесу, продолжал сражаться отчаянно, точно безумец, которому и жизнь недорога. А уж против него-то сражалось немало доблестных рыцарей. Когда король Артур увидел, какие дивные подвиги совершает сэр Ланселот, он вооружился, сел на коня, взял щит и копье и выехал на поле на подмогу сэру Ланселоту, и многие добрые рыцари последовали за ним.

Но вот, чтобы под конец быть кратким, король Северного Уэльса и Король-с-Сотней-Рыцарей потерпели поражение. Сэру же Ланселоту за то, что он не покинул турнирного поля и был в сражение до конца, было присуждено первенство среди рыцарей. Однако сэр Ланселот, как ни просили его король и королева и другие рыцари, не принимал такую честь. И когда на поле раздался клич: «Ныне победитель на турнире – сэр Ланселот!» – то сэр Ланселот поднял другой клич:

– Победитель – сэр Тристрам, ибо он начал раньше всех и дольше всех продержался на поле, и так было в первый день, во второй и третий!

6

И тогда все сословия и звания, от верха до низу, заговорили почтением о сэре Ланселоте за его благородство, какое он выказал сэру Тристраму, и за это его благородство было тогда сэру Ланселоту больше чести и славы, нежели сокруши он один пять сотен всадников. И весь народ, кто там был, сначала все сословия, сверху донизу, а потом и простой люд, закричали в один голос:

– Победитель – сэр Ланселот, что бы там кто ни говорил!

Но сэр Ланселот тем был разгневан и унижен, и поскакал он прямо к королю Артуру.

– Увы, – сказал король, – мы все опечалены тем, что сэр Тристрам нас столь неожиданно покинул. Клянусь Богом, – сказал король Артур, – он – один из доблестнейших рыцарей, каких слу-